

К Астафьеву в Овсянку едут из дальних городов и даже стран. Порой просто чтобы постоять у письменного стола, увидеть тропинку, по которой он спускался к Енисею, и попытаться понять, как здесь, в сибирской деревне, в простой семье, на свет появился человек, который им, в том числе столичным, образованным и имеющим ученые степени читателям, смог дать ответы на самые важные в жизни вопросы. А мы, его земляки... мы вроде всегда рядом. Но знаем о нем, за редким исключением, мало.

К 100-летию со дня рождения Виктора Петровича, наверное, одного из самых известных сибиряков в мире, чьи книги переведены на десятки языков, мы подготовили проект «100 ФАКТОВ ОБ АСТАФЬЕВЕ».

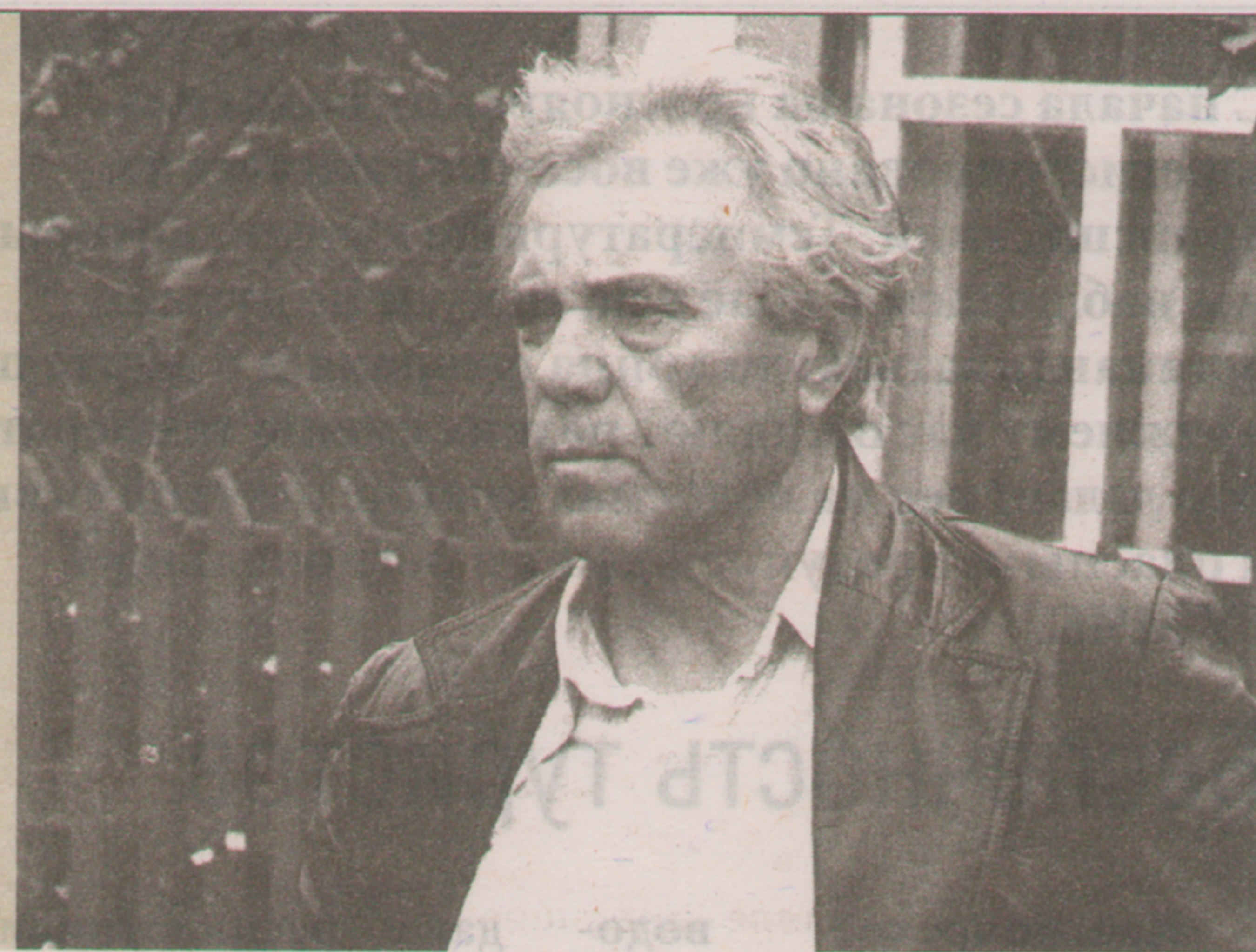

Фото Анастасия БЕЛОНОВА

Продолжение, начало в №№ 6, 8, 10

Факт 8 Учителем был поэт Игнатий Рождественский

УРАЛОВ.РУ

Мог ли в школе далекого сибирского городка оказаться потомок дворянина, столичного жителя, который вместе с братом был крупнейшим производителем молочной продукции в России? Той, что получила в 1900 году на Всемирной промышленной выставке золотую медаль за превосходное качество продукции? Да. После революции в России стало возможным многое. Многие эмигрировали. Семья Рождественских в 1920-м едет на восток на поезде, но в Красноярске они выходят из-за болезни матери. Она умирает, а отец, буквально убитый горем, становится священником. Игнатий сам заботится о себе: работает даже на школьных каникулах. Ему приходилось помогать землемерам, строителям, прорубать просеки в тайге. С отличием окончив Иркутский педагогический университет, он становится учителем и оказывается в Игарке. Три года преподает Виктору Астафьеву русский язык и литературу.

«Подлинная простота, доступность, истинная интеллигентность, да еще душевная доброта... в моем восприятии уравнивали порывистый, неистовый энтузиазм начинающего поэта, певца пятилеток Игнатия Рождественского, который вел уроки так увлекательно, в нарушение всех правил и методик, что мы часто «работали» без перемен, случалось, и звонка на перемену не слышали. Более всего он поощрял то, что советская школа со дня своего существования изгоняла из своих зданий и рядов, — самостоятельность мышления, чтобы собственный опыт, какой он ни есть, собственные знания давали ответ, чтоб учащийся думал, а не занимался пересказом».

Игнатий Рождественский сразу обратил внимание на ученика Виктора Астафьева.

Вот что позднее напишет сам писатель:

«Учеником я считался архиплохим, человечешком архибросовым. И вот чтение вслух. Проверка, кто как читает. И отличники мямлят, а я будь здоров прочитал. Игнат заметил меня, хотя и тогда уже близоруким был. Стал чаще спрашивать, спрашивать тогда, когда другие ни в зуб ногой. Я, естественно, из кожи лез, чтоб ему потрафить... Но шутки шутками, а ведь с этого, со встречи со стоящим учителем... я почувствовал, что чего-то стою, и строже к себе сделался, учиться стал лучше».

Позднее Рождественский уезжает в Красноярск. Но связь с педагогом не прерывается. Во время Великой Отечественной войны из-за сильной близорукости поэт не попал на фронт, но, тем не менее, «всегда оставался в строю».

Астафьев впоследствии напишет:

«И родной его голос из далекой Сибири доносился до нас, фронтовиков. Помню, на днепровском плацдарме сидели мы, голодные, отрезанные от наших рекой. Подхожу и слышу из-за плащ-палатки, загораживающей вход:

Всю ночь в тайге буянили метели,
К востоку тяжко пробивая путь,
В снегу завязли стрельчатые ели,
До сорока к утру упала ртуть.

Родной, нераскатистый, не цветистый, а простой, чуть суровый голос долетел до далекого Днепра. Я выпросил тогда у пехотинца газетную вырезку с этим стихотворением и долго таскал ее в нагрудном кармане и читал своим друзьям».

Рождественский впоследствии стал журналистом: с 1956 по 1965 год он работал специальным корреспондентом газеты «Правда» по Сибири и Якутской АССР. И продолжал писать: вышло несколько десятков сборников его поэзии — «Костер над Енисеем», «Тайга шумит» и другие.

К сожалению, его жизненный путь оборвался рано.

«Прекрасный был преподаватель и прекрасный человек, безмерно любивший русскую поэзию и землю родную, особенно Сибирь. Всегда он поражал меня юношеской восторженностью, оптимизмом в восприятии жизни, и вот... повесился в 58 лет».

В Красноярске, на доме по ул. Декабристов, 23, сейчас висит мемориальная доска о том, что здесь с 1953 по 1969 год жил и работал поэт.

Больше информации на сайте GNKK.RU

Факт 9

Школьное сочинение писателя о том, как он провел лето, позднее стало рассказом «Васюткино озеро»

Это произведение знакомо, наверное, каждому. Хотя бы потому, что его изучение входит в школьную программу.

А еще в школе почти каждый пишет сочинение о прошедшем лете, и будущий писатель не стал исключением.

Виктор Астафьев вспоминает об этом в одном из своих писем к литературному критику Макарову:

«Еще когда в пятом был, дал нам большую тему для сочинения, приблизительно сказав, у кого что самое интересное было летом, о том и напишите своими словами. А я летом блудил. Четверо с лишним суток блудил в заполярной тайге и сам вышел, сам себя спас, хотя доблестные родители мои посчитали меня пропавшим и облегченно уж вздохнули. Вот о том, как я блудил, и написал зарисовку под названием «Жив!».

По словам Астафьева, никогда еще он так не старался и не работал с такой любовью, как в тот раз.

«И вот снова урок литературы. Игнатий Дмитриевич раздает тетради с сочинениями, кого бранит, кого похваливает. Тетрадей на столе все меньше, меньше, вот голубеет и последняя. Моя! — екнуло и замерло сердце в моей, уже страдавшей груди. Учитель бережно взял тетрадь, развернул ее

и начал читать мое сочинение вслух. Затем поднял сочинителя с места, долго подслеповато всматривался в него и сказал: «Молодец!» — первая, пока и единственная похвала, полученная в школе».

Зарисовку эту опубликовали в рукописном школьном журнале. А много лет спустя писатель на ее основе пишет рассказ «Васюткино озеро»: «Я и до сих пор не стыжусь этого рассказа. Он, по-моему, один из самых лучших моих ранних рассказов».

Был он опубликован в 1956 году.

С одной стороны, в рассказе о том, как 13-летний мальчишка, сын бригадира рыболовецкой бригады, собирается в тайгу за орехами и теряется там, много автобиографичного. Но искренняя забота матери, ее беспокойство — выдумка автора. Не было такого. Его родная мать умерла за несколько лет до событий (об этом мы рассказывали в № 10 НКК от 9 февраля).

«Ты от затесей далеко не отходи — сгинешь. Хлеба взял ли с собой?»

— Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

— Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал еще таежные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идешь в лес — бери еду, бери спички».

Такая подготовка, опыт — знает он, и как костер развести,

и как птицу подстрелить, самообладание — не впадает в отчаяние, понимая, что заблудился, и спасает подростка. Несколько дней блуждает по тайге, стремясь выйти к Енисею.

И совершенно случайно находит небольшое озерцо с невероятным количеством рыбы.

«Зимой у этого озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел».

На районной карте появилось еще одно голубое пятнышко, с ногой величиной, под словами: «Васюткино оз.».

Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих кляксочек и есть та, которую именуют Васюткиным озером».

Спустя много лет, уже в почти 70-летнем возрасте, Астафьев еще раз побывает там:

«Весной (1992 года) я пролетал на вертолете над теми местами, где блуждал, и убедился, что мои прежние утверждения, будто я вел себя в тайге умело и стойко, потому и спасся, — самонадеянны и ничего не стоят. В этой тайге самому спастись, да еще будучи мальчишкой, — невозможно, только Господь Бог может тут спасти, что Он, Милосердный, не раз и делал в моей жизни».

Светлана БУРЕНКО

Фото из фонда библиотеки-музея В. П. Астафьева

Виктор Астафьев (первый слева) в Игарке с одноклассниками